

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

О. Б. Неменский
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Модели межконфессиональных отношений в ранней православной полемике после Брестской унии

В статье анализируется восприятие взаимоотношений с католиками и государственной властью Речи Посполитой, свойственное православным полемистам в начальный период полемики после заключения Брестской церковной унии 1596 г. Выделяются две модели межконфессиональных отношений, основанных на принципиально различных оценках прошлого опыта жизни под католической властью и характера современного конфликта. Определяется территориальное расхождение этих направлений полемики, связанных с двумя основными центрами общественной активности православного населения страны. Выделяемые различия определялись существенными расхождениями в истории вхождения отдельных земель с преимущественно восточнохристианским населением в состав польского государства. Характер проблем православного населения этих земель во многом определяла разница в их историческом опыте и конфессиональной структуре их высшего класса. Уже на ранних этапах полемики (по материалам текстов, написанных до 1610 г.) можно говорить о формировании двух моделей межконфессиональных отношений в православной среде. Одна из них оказалась связана главным образом с виленской братской средой и была представлена преимущественно православными деятелями в Великом княжестве Литовском, вторая — с юго-восточными землями страны, главным образом со Львовом и Острожским кружком.

Ключевые слова: *межконфессиональная полемика, православие, униатство, Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Польша, Вильна, Львов, Брестская уния.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.1.01

Все сложные в религиозном плане сообщества пытаются выработать свои модели межконфессиональных отношений, обыкновенно определяемые тем компромиссом, на который вынуждена идти господствующая группа для сохранения внутривнутриполитического спокой-

ствия. Однако в ситуации социального конфликта наличествующая система начинает так или иначе оспариваться со стороны всех крупных религиозных групп. Это позволяет ставить вопрос о тех моделях, которые присутствуют в сознании культурных деятелей, представляющих их интересы, а также о противоречиях, которые возникают уже внутри отдельных конфессиональных сообществ.

Конец XVI — начало XVII в. в Речи Посполитой было временем многостороннего кризиса в отношениях между представителями различных христианских конфессий, вызванного активной контрреформационной политикой власти. Будучи направленной в первую очередь на борьбу с протестантизмом, она нарушила и относительно мирную модель сосуществования с многочисленным православным населением государства. Чрезвычайно сложные условия, в каких оно оказалось после заключения Брестской церковной унии Киевской митрополии с Римом в 1596 г., определили необходимость борьбы за свои права и за приемлемую модель межконфессиональных отношений. Это время ознаменовалось расцветом православно-униатской и также православно-католической полемики, касавшейся широкого круга вопросов — не только богословских, но и исторических, политических и правовых.

Ситуация осложнялась существенными различиями в правовом положении территорий с преимущественно восточнохристианским населением. Это касалось и обширных древнерусских земель Великого княжества Литовского, и новых земель польской Короны, аннексированных ею у Великого княжества в 1569 г. во время обсуждения условий Люблинской унии, и тех территорий, которые уже давно были подчинены польской властью (в первую очередь Русского воеводства с центром во Львове). Разница в историческом опыте и конфессиональной структуре высшего класса во многом определяла и характер проблем православного населения этих земель.

Великое княжество Литовское было во многом уникальным государством Европы, которому с ранних этапов существования была свойственна многоконфессиональная структура общества. В результате принятия литовской верхушкой католицизма после заключения Кревской унии в конце XIV в. православное большинство оказалось в откровенно ущемленном положении, но ситуация стала изменяться уже в 30–40-е гг. XV в. Тогда великокняжеская власть стала проводить политику уступок православному населению, вызванную необходимостью поддержки внутривнутриполитического спокойствия и сохранения лояльности подданных в неблагоприятных внешнеполитических

условиях. К середине XV в. произошел переход от предоставления особых прав католикам к наделению православных и католиков общими «христианскими» правами. Однако это относилось только к светским подданным (шляхте и мещанам), о равенстве церквей речи не шло. В таких условиях возникло понятие «христианства» как общества христиан разных конфессий, что нашло отражение и в государственном законодательстве.

Формирование поликонфессионального понятия христианства, о котором пишет Б. Н. Флоря, было очень ранним для Европы тех лет. Такая модель межконфессионального мира (а точнее перемирия) претерпела существенное усложнение с началом эпохи Реформации и активным распространением протестантских учений. Акт Варшавской конфедерации 1573 г., ставший при коронации Стефана Батория частью королевской присяги, был инициирован протестантами, но включал в себя упоминания и о православной шляхте.

Однако такая система вызывала жесткое неприятие со стороны католического духовенства и самого Рима. В условиях начавшейся Контрреформации межконфессиональные отношения довольно быстро стали вновь жестко конфронтационными. Конфликт между католическими властями и православным населением перешел в открытую фазу после введения григорианского календаря (то есть с 1582 г.) и достиг своего пика после заключения Брестской церковной унии, в результате которой православие оказалось де-факто на нелегальном положении.

Вместе с тем благодаря образованию единой Речи Посполитой произошла активизация контактов двух ведущих центров православной культуры — Вильны и Львова, а также началась консолидация православной шляхты и мещанства в деле защиты своих интересов. Надо при этом отметить, что на западнорусских землях польской Короны православие было в гораздо худшем положении, чем в Великом княжестве Литовском, в связи с их давним подчинением Польше и в целом периферийным положением в государстве. На этих территориях государственная власть не имела причин идти на существенные компромиссы и пытаться договариваться с православными.

Модель межконфессионального мира в ранней Речи Посполитой основывалась не только на политической прагматике королевской власти и логике Реформации, но и на самой идеологии Речи Посполитой. *Rzeczpospolita* — центральный политический термин эпохи и высшая политическая ценность — виделась идеалом общественного устройства, которое было уже реализовано предками, но впослед-

ствии искажено, а потому его требовалось как-то исправлять. Сама эта модель государственности была порождением мысли эпохи Ренессанса и как таковая имела чисто светское происхождение. Она сама по себе не задавала никакой рамки для государственной политики в отношении иноверцев, но предполагала единое сословное сообщество граждан с равными правами, в связи с чем сформировалась особая концепция «народа шляхетского». Светская ренессансная идеология «Речи Посполитой» была чужда и кругам католического духовенства. Знаменитый католический проповедник Петр Скарга был апологетом монархии и большим критиком «смешанной» модели и широких прав шляхты.

В модель «Речи Посполитой» не вписывались и православные представления тех лет. Сложившаяся в местной западнорусской традиции концепция народа как всесословного церковного целого (сообщество прихожан поместной церкви) прямо противоречила шляхетско-сословному пониманию «народа». Это особенно ярко проявлялось в правовом вопросе¹. Православные представления, жестко привязывая право народов к религии и церкви, нарушали идею правового единства граждан Речи Посполитой. Западнорусская идентитарная традиция расширяла понятие «народа» на всех членов Русской церкви (т. е. ее местной митрополии), тем самым расширяя корпоративно-сословные правовые нормы на всю совокупность православных страны, всех «людей русских»².

Можно сказать, что местная православная традиция выработала свою модель межконфессионального мира, которая заключалась в утверждении, что у каждого народа своя вера³ и права народов Речи

1 См. об этом: *Неменский О. Б.* Право народа в православной мысли Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII века // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 3–11.

2 Подробнее см.: *Неменский О. Б.* Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. (по материалам полемики литературы) // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века — Новое время*. Сб. ст. / под ред. М. В. Дмитриева. М., 2008. С.180–197.

3 *Флоря Б. Н.* Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII века // *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в.* / отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 1996. Ч. II. С. 154.

Посполитой должны быть гарантированы королевской властью. Такая модель естественным образом сочеталась с резко негативным отношением к религиозному насилию. Еще до Брестской унии эта тема заняла важное место в православной полемической литературе.

Как представляется, уже на ранних этапах полемики (я остановлюсь на периоде до 1610 г.) можно говорить о формировании двух моделей межконфессиональных отношений в православной среде. Одна из них оказалась связана главным образом с виленской братской средой, вторая — с юго-восточными землями страны, главным образом со Львовом и Острожским кружком.

Северный (виленский) центр был настроен компромиссно: его представители высказывались против униатов, но за Речь Посполитую и короля как христианского монарха. Южный центр выступал радикально против «римской веры» и католических властей. В сочинениях, связанных с Виленским братством, основной темой являлась защита «прав и вольностей народа русского», тогда как южане концентрировались на призывах к сопротивлению и терпению. Виленчанам была свойственна положительная оценка прошлого межконфессиональных отношений, тогда как галичане оценивали его максимально негативно. При этом полемисты из Вильны главным своим оппонентом и, можно сказать, врагом видели униатов, тогда как львовяне нередко вообще как бы и не замечали униатов, видя в них лишь очередную вариацию «латинников».

Так, автор очень известного православного сочинения «Апокрисис» (1597–1598 гг.), говоря про свою сторону «мы, греческой религии люди»⁴, подчеркивает, что они «и право, и конфедерации, и привилеи, и обычаи, и другие основания вольности веры имеют»⁵. При этом он заявляет, что они короля «с плачем просят, чтобы, согласно привилеям, народу русскому и литовскому данным, духовных властей религии греческой не прижимал»⁶. Автор этого сочинения, возможно, был протестантом, но несомненно, что он был в тесных отношениях с виленским православным Свято-Духовским братством, которое и издало польскоязычный вариант книги.

4 Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета // Русская историческая библиотека. Т. VII. СПб., 1882. Стб. 1332.

5 Апокрисис. Стб. 1788.

6 «С плачем просимо, абы, ведлуг привилеов, народови Рускому и Литовскому наданных, урядов духовных релѣи Греческой не заглумял». Апокрисис. Стб. 1292.

Понятие «Речи Посполитой» употребляется в этом культурном центре довольно активно, но несколько иначе, чем это было принято в польской среде. Распространено было выражение «вся Речь Посполитая милая Отчизна наша»⁷. При этом государство виделось не столько «общим делом», сколько именно Королевством, и на первый план выдвигалась именно своя лояльность монаршей власти, доказательству чего посвящалось значительное место полемических сочинений. Автор «Антиграфа»⁸ старается акцентировать лояльность в самопрезентации: «Мы, верные подданные его королевской милости, милостивого нашего господина»⁹. Все его внимание заострено на защите «прав и свобод (и еще свободы совести) стародавнего народа нашего российского»¹⁰.

В ярко выражающем эту линию сочинении Мелетия Смотрицкого «Тренос» 1610 г. говорится о трех «верах» русского народа: это «вера в Бога, вера в Отчизну и вера в королей господ своих, которую мы целой и неизменной до конца жизни сохраняем»¹¹. Автор говорит об обидах, нанесенных униатами «верным и ни в чем не подозреваемым, никаким законом не обвиненным подданным его»¹².

Более того, он развивает мысль о браке Церкви — матери народа Русского — с Королем польским, являющимся народу отцом: «Возжелал король красоты моей, красивейший среди людей, и, полюбив меня, вечным браком с собою связал. Я детей ему родила и воспитала, а они от меня отреклись», — сказано уже об униатах¹³. То есть католический король для него, несомненно, является христианским монархом. И здесь

⁷ *Theophil Ortholog (Смотрицкий М.)*. Threnos, to iest Lament iedney ś. Powszechney Apostolskiey wschodniey Cerkwie... Wilno, 1610. S. 5–6. Посвящения.

⁸ Сочинение 1608 г., авторство явно не Мелетия Смотрицкого, хотя нередко ошибочно ему приписывается. См.: *Waczyński B.* Czy Antigráfico jest dziełem Maksyma (Melecjusza) Smotryckiego? // *Roczniki Teologiczno-Kanoniczne*. Lublin, 1949. Nr 1.

⁹ «мы, wierni poddani iego krol. m. naszego m. pana». См.: Антиграф // Русская историческая библиотека. Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 1152.

¹⁰ «praw y swobod (a nadto wolności w sumnieniu) starożytnego narodu naszego Rosiyskiego». Антиграф. Стб. 1152.

¹¹ «A krotko mówiąc wiarę Bogu, wiarę Oyczyźnie, wiarę Krolom Panom swoim w cale y nienaruszenie do ostatniego żywota terminu dochowawszy u po śmierci umrzeć nie mogli». См.: Threnos. S. 4 нenum.

¹² Там же.

¹³ Threnos. S. 1об.

мы видим воспроизведение того самого понятия о многоконфессиональном христианстве. «Благородный русский наш народ»¹⁴ для Смотрицкого — «в вере православный, в любви к Отчизне горячий, в послушании и верности королям господам своим всегда искренний»¹⁵.

Автор «Антиграфа» очень позитивно оценивает историю властвования польских королей над Русью и говорит о царящем вот уже 600 лет религиозном мире в государстве: «в этой вольной Речи Посполитой нашей»¹⁶ униаты взрывают «этот золотой мир, скрепленный вечной взаимной любовью, уже шестьсот лет в этой стране сохраняемый»¹⁷. А король предстает как надежный защитник «прав, привилегий и свобод нашего народа»¹⁸. Эта линия полемики будет развиваться и дальше, найдя свое полноценное воплощение в виленском «Синописисе» 1632 г.

Совершенно иной взгляд мы находим у представителей южно-го кружка полемистов. Они высказывают гораздо более жесткое отношение к «римской вере», а соответственно и к польским властям, ее насаждающим. Уже у Герасима Смотрицкого в сочинении «Ключ Царства небесного» (1587), в значительной своей части посвященном введению григорианского календаря, этот шаг расценивается как окончательный отход Рима от христианства. Папа Григорий XIII «мѣсяцы иначе покрестилъ, христианскую пасху зъ жидовскою далеко отменилъ, и опакъ посадилъ»¹⁹, в связи с чем автор задается вопросом: «А сей пакъ теперъ третій законъ отъ кого поданъ хто вѣдаеть якъ сего законодавца назъвати, кгдажь не отъ Мойсея, а ни отъ Христа»²⁰. «Заходный костелъ» «забыл Бога Спаса своего, и закона отъ него поданого»²¹, и теперь «своего папежа Христомъ именуеть»²². Однако ход времени «не римского бога сила и справа, хотя бы и всѣ кардиналы собралъ»²³. Наименование пап «римскими богами» — в данном случае уже не просто полемический прием, оно ведет за собой и выводы о нехристианском характере всего королевства.

14 «Zacny narod nasz Ruski».

15 Ibid. S. 5–6. Посвящения.

16 Антиграф. Стб. 1161.

17 Антиграф. Стб. 1157.

18 Антиграф. Стб. 1184.

19 «Ключъ царства небеснаго». С. 252.

20 Там же. С. 257.

21 Там же. С. 258.

22 Там же. С. 264.

23 Там же.

Так, для Клирика Острожского римляне — это однозначно не христиане: он строго разводит «христиан» и «папешников»²⁴. В известном львовском сочинении «Пересторога» (1605 г.) вообще нет общего с католиками христианства. «Западная сторона [...] в всемь противны суть Евангелию»²⁵, — пишет автор. Есть православные и римляне: «Потомкове княжатъ Рускихъ зъ вѣры православной на Римскую выкрестилися»²⁶. Более того, он доказывает, что апостола Петра вообще не было и не могло быть в Риме, а потому Рим не по праву Петру наследует²⁷. При этом правовой аспект полемики, защищающий старые права, сохраняется: автор описывает «старые права», подтвержденные Стефаном Баторием.

Главное свойство латинников, по мнению автора «Перестороги», — это насилие в отношении русского народа. Он пишет, что «нарушеніе праву дѣется и квалтомъ до вѣры примушаютъ», при этом «Турковъ, Татаровъ, Жидовъ, невѣрниковъ и погань тутъ мѣшкаючихъ у вѣрѣ ихъ не ломають, только народови Рускому»²⁸. Он описывает эти гонения: «То тежъ у короля собѣ зъеднали, абы не только духовного, але и свѣтского вряду не давати никому, кто не есть папешовъ, а Русинь коли не есть унѣятомъ, и напередъ у незнаемыхъ пытають, если Полякъ, чи есть католикъ, а если Русинь, чи есть унѣять»²⁹. Автор «Перестороги» выступает против насилия в делах веры, в связи с чем турецкий царь идеализируется им в противоположность польскому королю и Риму: «Присмотримся жъ, яко той поганинь, урожонный неприятель, вѣры не ломлетъ, не губить за вѣру, не мучить, маѣтностей земныхъ не забираетъ, до своей вѣры гвалтомъ не примушаетъ, яко Римская столица»³⁰. Римляне «на вѣру православную и святуую не словомъ Божимъ, але мечемъ воюють»³¹.

24 *Клирик Острожский*. История о разбойничьем Флорентийском соборе. 1598 // Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т. XIX. Стб. 440.

25 Пересторога 1605 г. // Акты Западной России. СПб., 1851. Т. IV. Док. № 149. С. 230.

26 Там же. С. 205.

27 Там же. С. 230–233.

28 Там же. С. 215–216.

29 Там же. С. 229 (слова «одного из Львовского братства» на сейме, в ответ И. Потеею).

30 Там же. С. 235.

31 Там же.

Еще один очень значимый галичанский автор, ярко выражающий описываемые особенности, — Иоанн Вишенский³² — монах Зографского монастыря на Афоне и один из крупнейших западнорусских православных полемистов конца XVI — начала XVII в. Родом он был из Судовой Вишни в Галицкой Руси — городка, который был центром большой политической жизни, так как в него съезжалась шляхта на местные сеймики (к его округу относились Львовская, Перемышльская и Санокская земли Русского воеводства). В 1590-х гг. Вишенский уже жил на Афоне, но сохранял тесные контакты с Львовским братством. Все его произведения — это послания и письма на родину.

Для Вишенского католики — это еретики или даже язычники. Принятие католицизма русскими князьями он описывает как «ныне межы ляхи князеве руские все поеретичели и христианства истинное веры отступили»³³. Такие люди для него как бы теряют свою русскую идентичность вместе с христианской: «русине бывший, благочестивый христианин прежде»³⁴. «Як ныне нест хвалы Богу ни мало з Лядское земле, и христианство в конец исчезе и погибе»³⁵. Он говорит о «лживом священстве латынского почту», ведь «дух святой от костела латынского отогнан есть»³⁶. Беды исходят «от тое поганское латынское науки»³⁷, «жидовской слепоте латынского рода»³⁸ и т. п. Надо отметить, что униатства при этом как бы и нет, не в нем видится главный враг, оно лишь часть латынства. Упомянув, опять же, реформу календаря как последний акт разрыва с христианством, Вишенский говорит папе Римскому: «ни в чесом любве и едности с православными не имашы, и уже от всех частей тела церковного и съборной апостолской церкви отсеклся еси и отщепил»³⁹.

32 См. подробнее: *Неменский О. Б.* Особенности этно-конфессиональной идентичности автора в сочинениях Иоанна Вишенского // Белоруссия и Украина. М., 2012. Вып. 4. С. 115–143.

33 *Вишенский И.* Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы // Вишенский И. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 33.

34 Там же. С. 39.

35 Там же. С. 47.

36 *Вишенский И.* Краткословный ответ Петру Скарге // Вишенский И. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 195.

37 Там же. С. 163.

38 Там же. С. 154.

39 *Вишенский И.* Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы... С. 110.

Такое жесткое восприятие католицизма определяет и абсолютно нетерпимое отношение к польскому государству. Короля Польского Вишенский называет Навуходоносором, который «ставит выше своего достоинства одушевленного идола папу; посылает проповедники езуиты, абы все поклонилися папе». «Тогда разярився Навуходоносор, кроль польский, повелевает разжещи пещь бед, скорбий, гонений и всяких досад лютых на трие отроки, останка народа руского, яко за сим волю бедами на поклонение идола преложит»⁴⁰. Насилие является вторым важнейшим признаком латинства наравне с почитанием идола папы Римского: «Не явно ли всему свету есть, яко только в папину главу и насильство верованью согласни твои латынники суть»⁴¹.

Значительное внимание он уделяет описанию гонений, организуемых на православных папой Римским и польским королем. И здесь особенно интересным представляется характеристика этапов ущемления прав, которые организует польская власть в отношении к православным. Так, вначале «латина христианом православным творят, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гонение», предлагая поклониться папе, принять его «самосмышленный закон, календар новоутворенный» и почитать «всю прелест наша веры». Если же православный не принимает новой веры, то против него обрушивается вся «власт мирская, градская и повсюду», которой королем наказано: «не дадейте Руси не едино пространство в жизни их, в судех по Руси не поборайте, паче же и кривдите, в суседстве любви не покажуте, ниже с ними не общете, паче же их ненавидите». Ущемление прав распространяется на все сферы жизни: «в куплях, торгах, ремеслах русин с папешником волности единой да не имат; в цехах ремесницких русину быти не достоин, доколе ся не попапешит; на власти войтовства и бурмистровства и прочих строителств от русского народа да ся не поставляют, доколе ся у папежа не уверуют».

Если же и после этого русины «своей христианское веры отступити и папе идолопоклонитися не хошут», то наступает этап ущемления их в церковной жизни: разоряются храмы, налагается запрет на отправление празднеств, а по новому календарю «святити и праздновати с силою понудите». «Аще же и еще не послушают», то на следующей стадии предпринимаются еще более жесткие действия в отношении православия: «сакрамент Христов обезчестете, на землю пролейте и ногами попереете и потопчите, церкви запечатуите и от всех стран

40 Вишенский И. Краткословный ответ Петру Скарге. С. 141–142.

41 Там же. С. 153.

беднотворете и досаждайте». На завершающей стадии, «аще же ни в сими досадами им не одолеете», власть лишает русских людей личной свободы и прибегает к телесному воздействию, вплоть до убийства: «в темницах затворяйте и без вин вины на них налагайте, бийте, безчестете и убийте в имя найсвятейшего папы»⁴². По сути, Вишенским дана очень подробная характеристика государственной политики в отношении православных, которая не оставляет ни единого шанса на совместную мирную жизнь.

В целом представляется весьма вероятным, что такая разница между двумя линиями полемики объясняется в первую очередь различием исторического пути, который прошло православное население в этих столь разных частях теперь единой страны. Положение православных как незначительного меньшинства на окраине коронных земель (в Галичине) побуждало к иному взгляду на государственность и характер католической веры и власти, чем у православного населения Великого княжества Литовского. В их представлении мирной модели межконфессиональных отношений просто не существовало, а Брестская уния воспринималась лишь как новый этап уже давно идущих гонений.

Источники и литература

Theophil Ortholog (Смотрцикий М.). Threnos, to iest Lament iedney ś. Powszechny Apostolskiej wschodniej Cerkwie... Wilno, 1610. Pag. 1–219.

Waczyński B. Czy Antygrafe jest dziełem Maksyma (Melecjusza) Smotryckiego? // *Roczniki Teologiczno-Kanoniczne.* Lublin, 1949. Nr 1. S. 183–210.

Антиграф // *Русская историческая библиотека.* Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 1149–1300.

Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета // *Русская историческая библиотека.* СПб., 1882. Т. VII. Стб. 1003–1820.

Вишенский И. Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы // *Вишенский И. Сочинения.* М.; Л., 1955. С. 7–129.

Вишенский И. Краткословный ответ Петру Скарге // *Вишенский И. Сочинения.* М.; Л., 1955. С. 130–160.

Клирик Острожский. История о разбойничьем Флорентийском соборе. 1598 // *Русская историческая библиотека.* Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 433–476.

⁴² *Вишенский И.* Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы... С. 120–121.

Неменский О. Б. Особенности этно-конфессиональной идентичности автора в сочинениях Иоанна Вишенского // Белоруссия и Украина. М., 2012. Вып. 4. С. 115–143.

Неменский О. Б. Право народа в православной мысли Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 3–11.

Неменский О. Б. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. (по материалам полемической литературы) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века — Новое время. Сб. ст. / под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индрик, 2008. С. 180–197.

Пересторога 1605 г. // Акты Западной России. СПб., 1851. Т. IV. С. 203–236.

Флоря Б. Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII века // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в. / отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 1996. Ч. II. С. 151–174.

References

“Antigraf.” *Russkaia istoricheskaja biblioteka*, vol. XIX, Saint Petersburg, 1903, stb. 1149–1300.

“Апокрисис. Sochinenie Khristofora Filaleta.” *Russkaia istoricheskaja biblioteka*, vol. VII, Saint Petersburg, 1882, stb. 1003–1820.

Floria, B. N. “Otrazhenie religioznykh konfliktov mezhdru protivnikami i priverzhentsami unii v «massovom soznanii» prostogo naseleniia Ukrainy i Belorussii v pervoi polovine XVII veka.” *Brestskaia uniiia 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaja bor'ba na Ukraine i v Belorussii v kontse XVI — pervoi polovine XVII v.* Ed. B. N. Floria, Moscow, 1996, part II, p. 151–174.

Klirik Ostrozhskaa. “Istoriia o razboinich'em Florentiiskom sobore. 1598.” *Russkaia istoricheskaja biblioteka*, vol. XIX. Saint Petersburg, 1903, stb. 433–476.

Nemenskii, O. B. “Pravo naroda v pravoslavnoi mysli Rechi Pospolitoi kontsa XVI — pervoi poloviny XVII veka.” *Slavianovedenie*, 2012, № 4, p. 3–11.

Nemenskii, O. B. “Russkaia identichnost' v Rechi Pospolitoi v kontse XVI — pervoi polovine XVII v. (po materialam polemicheskoi literatury).” *Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'noi identichnosti v Evrope. Srednie veka — Novoe vremia*. Ed. M. V. Dmitriev. Moscow: Indrik, 2008, p. 180–197.

Nemenskii, O. B. “Osobennosti etno-konfessional'noi identichnosti avtora v sochineniakh Ioanna Vishenskogo.” *Belorussiia i Ukraina*, vyp. 4. Moscow, 2012, p. 115–143.

“Perestoroga 1605 g.” *Akty Zapadnoi Rossii*, vol. IV, Saint Petersburg, 1851, p. 203–236.

Theophil Ortholog (Smotriskii, M.). *Threnos, to iest Lament iedney ś. Powszechney Apostolskiej wschodniej Cerkwie...* Wilno, 1610, pag. 1–219.

Vishenskii, I. “Knizhka Ioanna mnikha Vishenskogo ot Sviatye Afonskiiia gory.” *Vishenskii, I. Sochineniia*. Moscow; Leningrad, 1955, p. 7–129.

Vishenskii, I. *Kratkoslovnnyi otvet Petru Skarge. Vishenskii, I. Sochineniia*. Moscow; Leningrad, 1955, p. 130–160.

Waczyński, B. “Czy Antygrafe jest dziełem Maksyma (Melecjusza) Smotryckiego?” *Roczniki Teologiczno-Kanoniczne*. Lublin, 1949, nr 1, s. 183–210.

Oleg B. Nemensky

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Modelling the interreligious relations
in the early Orthodox polemics after the Union of Brest

The article dwells upon the Orthodox polemics on the relations with Catholics and the state power of Rzeczpospolita in the initial period after the Church Union of Brest in 1596. Two models of interfaith relations are distinguished, based on fundamentally different assessments of the past experience under Catholic rule and the nature of the modern conflict. The territorial divergence of these lines of controversy is determined, connected with the two main centers of public activity of the Orthodox population of the country. The highlighted dissimilarities were determined by significant differences in the history of the entry into the Polish state of the aforementioned lands with a predominantly Eastern Christian population. The nature of the problems of the Orthodox population of these lands was largely determined by the difference in their historical experience and the confessional structure of their upper class. Already at the early stages of the debate (based on materials written before 1610), we can talk about the formation of two models of interfaith relations in the Orthodox milieu. One of them turned out to be associated mainly with the Vilna fraternal environment and was represented mainly by Orthodox figures in the Grand Duchy of Lithuania, the second — with the southeastern lands of the country, mainly with Lvov and the Ostrog circle.

Keywords: *interfaith polemics, Orthodoxy, Catholics of Eastern Orthodox rite, Uniatism, Rzeczpospolita, Grand Duchy of Lithuania, Poland, Vilna, Lviv, Union of Brest.*